

**You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: O koncepcii słowarej zargonnoję leksiki kak leksikonov novogo tipa

Author: Aurika Cervinski, Margarita Nadel'-Cervin'ska

Citation style: Aurika Cervinski, Margarita Nadel'-Cervin'ska. (2009). O koncepcii słowarej zargonnoję leksiki kak leksikonov novogo tipa. W: M. Nadel'-Cervin'ska, A. Zyh (red.), "Leksika podstandarta. T. 2, Sovremennye zargony i ih opisanie" (S. 151-161). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIWERSYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Аурика Червински

Иерусалем, Израиль

Маргарита Надель-Червиньска

Катовице—Сосновец, Польша

О концепции словарей жаргонной лексики как лексиконов нового типа

В контексте составления **компьютерных словарных баз** словаря *Жаргонная лексика* многолетняя работа в данном направлении стала основой предлагаемого нами научного проекта *Номинации предметного мира маргинальных сред*, с последующим уточнением — *Лексика подстандарта в сопоставительном русско-польском аспекте*. Предварительная часть проекта состоит при этом из следующих этапов:

1. Составление компьютерного *банка данных* (словарные *базы данных* разных источников).

2. Разграничение жаргонных языковых единиц внутри словарных фондов, по сферам их бытования (1) и путям заимствования (2).

3. Составление **сводного словаря русской подстандартной лексики**. Составление электронного *банка данных* разных источников уже является подготовительной частью этой большой работы. Однако сам *сводный словарь*, на наш взгляд, станет завершающим и результативным этапом всего проекта¹. На данном этапе, в частности, еще только вырабатывается общая концепция такого итогового словаря, варьируются формы наглядного представления в нем лингвистического материала (акценты дефиниций, система помет, графическое оформление, возможный максимальный и минимальный информативный объем словарной статьи).

---

¹ При этом идея типологизации материала, а также структуры словаря принадлежит А. Червински (A. Chervinsky), структура словарной статьи на данном, рабочем, этапе — М. Надель-Червиньской (M. Nadel-Czerwińska).

4. Разграничение в электронной базе данных уголовного жаргона языковых единиц **условно нейтрального характера** (вошедших в обиход разговорной речи и отчасти утративших в сознании носителей языка связь с уголовным менталитетом) и единиц выраженного **садического**² **характера** (употребляющихся в речи с целью нивелирования личности объекта речи). Соответственно, как следующий этап работы, — составление **лингвopsихологического словаря садического языка русского уголовного жаргона**³. Словарь практически готов, впереди осталась техническая работа — подготовка его материалов к публикации.

5. Следующий этап работы, к которому также уже приступили, — это составление **семи тематических словарей** под общим названием: *Иерархия ценностей в уголовном жаргоне*⁴. Фонды этих словарей в черновом варианте собраны и в настоящее время проходят техническую и редакторскую обработку материала, готовящегося к изданию. Тематическое разграничение лексики уголовного жаргона, как русского, так и польского, позволяет с различных сторон и наиболее полно описать **примитивную картину мира**, свойственную языковому сознанию криминогенной субкультуры.

6. Как возможный и желательный в будущем окончательный выход проекта — составление **двуязычных словарей уголовного жаргона** (русско-польского, русско-испанского и, возможно, русско-немецкого)⁵. В этом направлении сделаны еще только первые шаги.

² О термине «садический» см.: Р. Барт: *Сад-I. В: Ad Marginem. Маркиз де Сад и XX век.* Москва, 1992. Барт разделяет понятия *са'довский* (имеющий отношение к маркизу, ему принадлежащий, свойственный) и *садический* (по контексту имеющий отношение и принадлежащий к садистскому мировоззрению, а также к садистской форме сообщения с внешним миром). См. также: А. Червински: *Садический язык тоталитарного государства: лексический состав и специфика словоупотребления.* // «Slavica Quinqueecclesiensia» 1998, Vol 6: *Linguistica. Translatologia. Cutura.* Pécz, 1998, с. 243—256; А. Chervinsky: «Садический язык» *тоталитарного государства: новый термин и языковая действительность.* В: *Терминология: изучение и обучение.* Минск 1999, с. 97—99.

³ Концепция словаря принадлежит А. Червински, проект 1992 года. Отбор и составление словарного материала продолжались до 1995 года. Лингвистическое и графическое оформление чернового варианта издания в дальнейшем осуществлено М. Надель-Червинской. По поводу лингвopsихологической концепции словаря см. в нашем немецком издании словаря *Метафоры русского сексуального EGO: Vorbemerkungen*, с. III—X. См.: А. Czerwinsky, P. Czerwinski, M. Nadel-Czerwinska: *Metaphern des russischen sexuellen EGO. Ein linguopsychologisches Wörterbuch des aktuellen Sprachgebrauchs.* Hrsg. J. Hartung, A. Buchschtabe. Gamburg 2001, с. 342. Выпуск последующих готовых четырех томов буквы Б, к сожалению, остановлен издателем из-за отсутствия финансирования.

⁴ См., в частности: А. Червинская: *Иерархия потребностей: лингвopsихологический анализ русских арготизмов.* В: *Новое в теории и практики описания и преподавания русского языка.* Warszawa 2003, с. 284—289. См. также другие статьи того же автора на эту и близкие ей темы.

⁵ К сожалению, при определенной заинтересованности в нашем проекте зарубежных коллег, все упирается исключительно в отсутствие финансирования. Поэтому последний этап работы, от самих авторов непосредственно не зависящий, остается пока лишь предположительным в будущем.

Иерархия ценностей уголовного сознания как основание выделения лексического круга для каждого **тематического словаря**.

Как известно, коммуникативные отношения в криминогенной среде упорядочены и ограничены жесткими схематическими правилами, нарушать которые строго запрещается самой субкультурной средой. Правила эти накладывают неизбежный отпечаток и на языковую картину мира — такую, какой она представляется субкультурному мироощущению. При этом представители маргинальных групп на речевом и коммуникативном уровнях постоянно воссоздают эту картину **жаргонными средствами**. Примитивность языковых средств естественным образом определяет примитивность картины мира, а жесткость схематических правил — ограниченное пространство такой картины. Кроме того, она также определяет, что мотивировано в языке объективными обстоятельствами данных коммуникативных моделей, узость кругозора носителя жаргона (камера, тюремный двор, окруженное проволочным ограждением лагерное пространство).

В литературном языке жесткие правила уголовного мира издавна назывались метафорически и описывались в языке опосредованно. Их называли *звериными*, или *волчьими*, *законами*, а также *законом стаи*. В публицистике встречаем им несколько иное определение — *тюремные*, либо *лагерные*, *правила*. На *блатном жаргоне*, или на *языке блатарей*, как фиксируют словари ненормативной лексики, это называется *воровской закон* или же более обобщенно, широко — просто *закон*. Отсюда жаргонные лексемы *законник*, *законный* называют «вора, соблюдающего закон» (см. также: *авторитет* и *вор в законе*).

Сравним со словарными определениями Д. Балдаева: «*Вор в законе* — авторитетный, опытный вор, с мнением которого в воровской среде нельзя не считаться. Наречение вора *вором в законе* происходит на *сходках*. Одно из условий перевода в этот „ранг“ — несомненное соблюдение *воровского закона*. *Вор в законе* — заключенный-вор, вынужденный работать в ИТУ (исправительно-трудовом учреждении) наравне с другими заключенными»⁶. Тем самым, во втором случае, уголовник, он же *законник*, как бы не соответствует своему высокому статусу, определяемому его принадлежностью к криминальной субкультуре, где *закон* всеми строго соблюдается. В современной обстановке *воровской закон* уступил первенство *законам мафии*, т.е. еще более жестким, жестоким правилам игры в среде *своих*, принадлежащих ей и от нее зависящих.

Иерархия воров. Такие законы устанавливают также и иерархические отношения в криминальном сообществе. Так, наверху этой лестницы оказывается главарь преступной группы — *бондарь*, *волк*, *казакчик*, *иван иванович*,

⁶ *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона*. Авторы-составители: Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Юсупов. Москва, 1992: с. 47, 84.

князь, пахан. Имеют свои названия также *авторитеты*, или *воры в законе*: *автоматчик*, *безлошадный*, *блатняк*, *бугор*, *джага*, *утюг*. Опытный пожилой вор либо воровка называются *аристократ(ка)*, *бобёр*, *большой человек*, *мамура*, *маханиша*, *уркаган*, *уркач*; молодой и неопытный — *баклан*, *брус шпановый*, *жиган*, *камса*, *обезьян(к)а*, *пацан(ка)* с прибавлением *зелёный* либо *золотой*.

Вору-наставнику (*гувернёр*, *козлятник*, *маз*) в воровском жаргоне противопоставляется мелкий вор (*вишиварь*, *гусиносик*, *жулик*, *опарыш*, *пачкун*), а вору-одиночке (*единоличник*, *кустарь*, *лях*, *польский вор*, *поляк*, *сыроед*) помощник вора (*агент*, *наводчик зрячий*, *поддужный*, *подпасок*, *подхват*) и человек на побегушках, воровская прислуга (*алёшка*, *бой*, *вайс*, *василёк*, *гарсон*, *прошка*, *халдей*, *холоп*, *шестёрка*, *шнурок*, *яшка*). Свое место в этой иерархии занимают также человек, стоящий на страже (*атасник*, *кукушка*, *рында*, *семафор*), и скупщик, сбывающий краденое (*барахольщик*, *барыга*, *золотарь*, *каин*, *мешок*, *паук*, *тёща*, *толкач*, *шмоткин*, *ямник*).

Однако наиболее дифференцированную иерархию на языке бандитской *фени* имеют профессионалы-специалисты (воры, грабители, убийцы). Они делятся на группы по месту кражи — *буфетник*, *майданник*, *поездушник*, *транспортник*, *рыночник*, *чердачник*; по способу кражи и взлома — *верхолаз*, *карманник*, *избач*, *стекольник*, *фортач*, *щипач*, *удильщик*; по цели кражи и взлома — *торбохват*, *медвежатник*, *могильник*, *кассир*, *скотник*; по времени совершения преступления — *сонник*, *утренник*; по уровню мастерства — *громищик*, *писатель*, *скачок*, *халтурник*, *художник*, *ювелир* и так далее. Особые названия имеет и убийца — *коцап*, *кошатница* (*кожатница*), *мокрушник*, *мокрытник*, *мясник*, *пол-пота*, *роялист*, *сериял*, последний как серийный убийца, *хомутник*.

Соответственно глаголы и существительные, называющие смерть, а также тело покойника, труп дифференцируются в жаргоне (1) по способу и причине смерти (*дубаря секануть*, *задубеть*, *накрыться мокрой*, *нарезать дубаря*, *окочуриться*, *отемнеть*, *путёвку получить*; *амсба*, *загиб петрович*, *кранты*, *крест*, *крышка*, *курносая*), (2) по форме смерти и по виду после смерти (*доплыть*, *досрочно освободиться*, *коньки откинуть*, *надеть деревянный бушлат*, *перекинуться*, *скопытиться*, *сыграть в ящик*, *увянуть*; *жмурик*, *крантик*, *красивый дубарь*, *околеванец*, *подснежник*, *потемнённый*, *с биркой на левой (ноге)*, *стерва*, *чёрный цветок*, *шлак*, *шмур*). Человеческая личность в уголовном менталитете никакой, как видим, собственной ценности не имеет. Ценность представляют (а) место в иерархической лестнице, (б) профессиональные навыки и мастерство, (в) сила и опыт, подчиняющие себе окружающих, стоящих ниже на той же лестнице, а также (г) то, каким представляешься в глазах других, признающих или не признающих в тебе *авторитета*.

При этом основным правилом всех, весьма, надо отметить, варварских, законов уголовного общежития является своеобразная главная заповедь, зву-

чащая так: *Не верь. Не бойся. Не проси*⁷. Обратим внимание на то, что этот речевой оборот, или **триада-запрет**, заложен в основу текста первого нашумевшего шлягера российской группы *Тату* — и именно эта песня сделала исполнительниц ее популярными. Собственно, текст песни и состоит только из этой фразы уголовного содержания, многократно повторяемой несовершеннолетними девочками на все лады.

В этом и состоит, по мнению создателей скандального имиджа поп-группы, ее пикантность. Это подчеркнутое сочетание на невербальном знаковом уровне детскости (узнаваемая пионерская форма, огромные школьные банты, ранцы, тетрадки) и развратности (томные взгляды, сексуальные объятия, двусмысленные взаимные поцелуи). И, тем самым, подчеркнутое сочетание невинности и опытности, что используется в рекламных целях, прежде всего, в проституции (как сфере криминального бизнеса). Здесь также узнаваем специфический фрагмент уголовной картины мира, весьма дифференцировано описанной средствами жаргона.

Иерархия женщин и проституток. Семантическая дифференциация лексических единиц наблюдается, в частности, в контексте иерархической шкалы номинант, выраженных именами существительными, прилагательными либо причастиями и называющих:

1) девушек (как сексуальный объект — *целка, тёлка, серячка, цыпа* и объект насилия — *телятина, сейф мохнатый*);

2) женщин (то же самое — *синеглазка, слаба на передок, тигрица* и *корова, рыба, скотобаза, мясокомбинат* + пригодность / непригодность сексуального объекта — *подстилка, сирена, пробу негде поставить, бессемянка, метла без палки, ценная сука, колода, корзина, деревяшка, бревно*);

3) женщин легкого поведения (по профессиональным признакам — *зажигалка, соска, сатана, дырявое войско, многостаночница*; по внешним признакам — *аида, сирена, королева, красючка, минога, мымра, свиноматка*; по возрастным признакам — *юя, эми, эстер, коза, рогожа трёпаная, стелька, клюка, кляча*; по стоимости услуг — *дешёвка, камелия, мочалка, путана*; по месту услуг — *раскладушка, майданная бикса, шалашовка, шоферская бикса*; по способу услуг — *наездница, скрипка, двустволка, солистка, простодырка*; по отношению к милиции — *рокишана, шавка, падло, крыса, активистка* и так далее).

Иерархической лестнице подчинены в уголовном жаргоне также многочисленные глаголы, связанные с подчинением женского начала мужской силе и власти, с подчинением различными средствами, способами физическими (избиение — *буксовать, венчать, веселить*; изнасилование — *жмокнуть, отиампуриуть, помыть крылышки*; убийство — *заткнуть, оборвать стру-*

⁷ Подробно эта проблема была уже проанализирована, в контексте нашего лингвopsихологического исследования, в монографии, опубликованной в Интернете: А. Chervinsky: *Психология зоны...* Jerusalem 1998 (<http://www.nicomant.org>).

ну, перекрыть кислород), а также психическими (унижение — *расцеловать*, т.е. плюнуть в лицо, *рогатку сделать, отдрючить, сделать бульдога*; оскорбление — *(по)ставить раком, открыть мохнатку, оприходовать, обломить*; презрение — *форшмак заделать, проветрить мозги, уделать, умыть*; отвержение — *посадить на парашу, рассольчик слить*; издевательства — *долбать, дрынить, ломать рога, линчевать, остеклить, подковать козу*; групповые формы — *отхарить паровозом, протянуть кутком, пустить под трамвай*).

Женщина, как и гомосексуальный объект насилия (*козёл, петух, опущенный, голубой, говномес*), как нельзя лучше вписывается в контекст уголовных отношений. Здесь субъекту насилия (*агрессор, амурик, вампир, вурдалак, мохнорылый, шелкомадзе, шерстяной вор*) и орудию насилия (*бадяга, инструмент, кочерга, машина, хлопушка, дунька, жало, финка, косарь, матка, са-жало; вафля, дуло, затейник, монтировка, палка, паяльник*) всегда противопоставлена жертва (*барашек, живой товар, зайчик, курка, пуфик, хомячок*). Жертва хорошо вписывается в пространство насилия — тоталитарное бытие (широкое пространство) и существование в тюрьме, зоне (узкое).

Поэтому еще раз позволим себе обратить внимание на видеоклипы поп-группы *Тату*, которые весьма в контексте нашей работы показательны. Выпущенный российским шоу-бизнесом для Запада, видеоклип упоминаемой нами песни *Не верь Не дойся. Не проси*, или как это называется на жаргоне *за бугор*, разворачивается на фоне элементов лагерного быта — колючей проволоки, шарящих по земле прожекторов, наблюдательных вышек для *вохров* (внутренней охраны зоны). Такие же элементы антуража зоны заключения, в данном случае как элементы спекулятивного характера, присутствуют и в другом клипе дуэта *Тату* — песни *Нас не догонят*.

Тем самым, вербальный уровень текстов песен, будучи сознательной проекцией уголовных стереотипов советского мироощущения, преднамеренно подкреплен на невербальном, предметно-знаковом, уровне клипа визуальными образами, которые, по замыслу режиссуры видеоманифестации, должны усиливать всячески подчеркиваемую ассоциацию: СССР, а затем Россия в целом по сути своей — лишь зона принудительного заключения. Оттуда не дают сбежать, но маленькие слабые девочки пытаются это сделать, их преследуют за любовь друг к другу — специфическую форму отношений, характерных для женских лагерных бараков (впрочем, как и для женских учебных заведений закрытого типа, изолированных от мира монастырей, а также для этнических локусов, в которых весьма ослаблено по каким-либо причинам мужское начало).

Принцип неверия и недоверия. Тот, кто в тюремно-лагерной среде *верит на слово*, проявляет свой страх или пытается что-либо *попросить*, становится, по неписанным жестоким законам, жертвой тех, в зависимости от которых он оказался — т.е. либо от *уголовника-рецидивиста*, либо от *начальника, начальника, надзирателя* в тюрьме, лагере. Характерно, что на том же

жаргоне *начальник лагеря социализма* — это И. Сталин. От него зависело все и вся, а потому и его также не следовало ни *бояться*, ни *просить* о чем бы то ни было. Общеизвестно, что письмо в Кремль из лагеря только усугубляло положение заключенного, наивно-доверчивого политического зэка. Поэтому и Сталину тоже не следовало *верить*, т.к. созданной им системой строился и поддерживался мир лжи.

Таким образом, именно уголовным сознанием внутренне мотивированы в маргинальных средах общения модели коммуникативного недоверия — как на вербальном, так и на поведенческом уровнях межличностных отношений, которые различными способами отражаются в современной жаргонной речи. Одним из проявлений этого феномена становится такое описание картины мира средствами уголовного жаргона, когда она, а с ней и весь окружающий заключенного мир, предстают как бы в отражении кривого зеркала.

Атрибутивная и акциональная стороны его в тюремно-лагерной речи кодируются, называются непрямо, например, посредством лексем в общеупотребительном контексте имеющих прямо противоположное значение: *свалиться* — укрыться, спрятаться; *санитар* — 1. ярый антисемит, 2. доноситель; *свекруха* — 1. секретный сотрудник оперчасти ИТУ, 2. осведомитель — секретный внештатный сотрудник органов милиции или КГБ; *смокинг* — полосатая униформа заключенного. Уклонение от называния вещей своими именами помогает носителю жаргона лучше адаптироваться в неблагоприятной, чуждой ему обстановке и, в конечном счете, в ней выжить при помощи вынужденной лжи.

Собственно, поведенческие модели недоверия логически и порождают речевые модели лжи. На них, в частности, основаны, с одной стороны, (1) проверка в криминальной среде нового человека на *свой* / *чужой* (истинность / ложность его слов и поведения, знание *воровской фени*, знание и соблюдение законов группы, ориентация в иерархических отношениях ее членов), с другой, (2) инициация новичков (в преступной группе, тюремной камере, лагерном бараке, *зоне* в целом). Так, драка и особенно избиение (как форма учения уму-разуму нового либо же строптивого члена данного социума) называются в жаргоне *баня*, *гурьевская каша*, *зной*, *канитель*, *критика*, *лапша*, *ломота*, *мутовка*, *мясорубка*, *подлива*, *премьера*, *проба*, *прописка*, *рецепт*, *решётка*, *шлифовка*, т.е. лексемами общеупотребительными, наполняемыми новым, неожиданным, понятным только для субкультурной группы, смыслом.

Именно здесь, в криминогенной и тюремно-лагерной обстановке, вырабатывались также принципы *обратного языка* — говорю одно, подразумеваю другое, часто противоположное. Таким образом незамысловатый принцип тайного *офенского языка* рыночных торговцев XIX века к середине XX-го распространился уже на все сферы коммуникативного взаимодействия. В результате оформилась и развернутая система всевозможных табу, или запрет-

ных тем для разговора, которые, как ни парадоксально, прочно закрепились сегодня также на общеупотребительном разговорном уровне в речевых контекстах, вроде бы, не жаргонного характера. Так, из тюремного быта заимствован, в частности, строгий запрет на прикасание к *параши*, поскольку это действие унизительно и допускается только для *козлов*, заключенных *опущенных*, т.е. подвергнутых в камере гомосексуальному насилию. Ср. в современных жаргонных проявлениях просторечия туалет называется *Виталик*, *дворец съездов*, *деканат*, *дом неизвестного архитектора*, *белый дом*, *дума*, *а зори здесь тихие*, *Иван Иванович*, *междугородный телефон*, *эlevator* и т.д.

Так же вуалируются в языковом отношении все действия, связанные с его посещением. Но это не от излишней стыдливости, поскольку современному просторечию, так же, как и уголовной жаргонной речи, свойственно подчеркнутое смакование срамных физиологических частей и выделений человеческого тела. *Скатологическая лексика*, некогда бывшая в русском языке ритуальным проявлением народной смеховой культуры, в настоящее время превратилась, благодаря богатому тюремно-лагерному прошлому и настоящему России, в своеобразное коммуникативное орудие унижения и нивелирования человеческой личности. *Опускание* зависимого субъекта на уровне оскорбительного речевого высказывания не менее жестоко и действенно, чем *опускание* коллективными насильственными действиями в *местах заключения*.

Надо отметить, что в сообществе тоталитарного типа, к каковому до сих пор, к сожалению, приходится относить Россию, уголовные модели коммуникативных отношений весьма живучи и потому приложимы в той или иной мере к любой области общественных отношений, а также, часто, ко многим сферам межличностных. Поэтому, такие коммуникативно-поведенческие и речевые модели привносятся даже в область официально-деловых контактов. Этим, к примеру, можно объяснить то, что по российскому международному каналу телевидения, с самой высокой государственной трибуны, прозвучали в 2005 году такие специфические *уголовные выражения-угрозы лагерного происхождения* периода сталинских репрессий, как то: адресатно направленный устойчивый оборот *они у нас будут землю жрать!* или же вроде бы не направленный оборот, в котором, однако, конкретные адресаты также подразумеваются и узнаваемы, — ... *(кого надо) заставим лагерную пыль лизать!*

Тем самым, специфические выражения *тюремно-лагерного жаргона* становятся в российском *новоязе* риторическими фигурами *языка политики* — причем как в крайне левом ее крыле, так и в официозном правом.

Примитивная картина мира, описанная жаргонными средствами. Языковые средства уголовного жаргона в сущности своей крайне бедны⁸.

⁸ См., в частности: Д.С. Лихачев: *Черты первобытного примитивизма воровской речи*. В: *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона*. Авторы-составители: Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Юсупов. Москва 1992, 354—405; а также: А. Chervinsky: *Лингвopsихологическая*

Бедны они уже потому, что крайне ограничен круг понятий, которые этими средствами описаны и названы прямо либо опосредованно — узок круг субъектно-объектных отношений, действий, предметной атрибутивности преступного, а затем лагерного мира. Узок мировоззренческий кругозор, который, в силу тех или иных обстоятельств, оказывается доступен носителю этого жаргона. С одной стороны, узость кругозора, а потому и узость видимой носителем жаргона картины мира порождает примитивность языковых единиц, средств, при помощи которых она воссоздается и описывается в субкультурной ментальности. С другой стороны, примитивность средств описания приводит к примитивному воссозданию самой картины и, как следствие, порождает примитивность такой картины. Уголовный мир примитивен. Примитивны тюремная жизнь и лагерное существование. И это естественным образом находит свое отражение в составляемых нами семи *тематических словарях уголовного жаргона*.

Так, первый из них, подготавливаемый сегодня к печати, называется *Материальные потребности уголовного и лагерного мира (тематический словарь)*. Лексика в нем подразделяется на следующие группы: 1. *Тепло / холод* (мир ощущений). 2. *Жилье / убежище* (мир предметов). 3. *Одежда / обувь* (мир предметов, первая необходимость). 4. *Питье / еда* (первая необходимость). 5. *Голод / жажда* (мир ощущений, первая необходимость). В каждую группу, соответственно, объединяются лексемы, относящиеся к разным частям речи, а также устойчивые выражения, характерные для данного жаргона⁹.

Второй словарь называется *Статусные отношения преступного и тюремно-лагерного мира* и описывает субъектно-объектные параметры мест заключения, иерархию структуры карательных органов. Третий — *Статусные отношения в преступной группе, тюрьме и зоне заключения* — описывает иерархические отношения в криминальной среде и среди заключенных. Четвертый — *Интеллектуальные запросы носителей уголовного жаргона* — дает представление об иерархии нематериальных ценностей, свойственных этой субкультуре. Пятый, *Эмоциональные отношения носителей уголовного жаргона*, описывает средства, которыми вербализуются позитивные и негативные ощущения человека, искусственно изолированного от реального мира. Шестой — *Акциональные отношения в уголовном жаргоне* — описывает биномную семантику жаргонных глаголов, каждый из которых может называть действия противоположные и, как правило, имеющий сатирическую окраску. Седьмой — *Половые отношения в уголовном жаргоне* — описывает языковые единицы жаргона, называющие различные поня-

модель мира в русскоязычной криминогенной среде. В: *III Jornadas Andaluzas de Eslavistika*. Granada 2004.

⁹ В подготовке лексических групп 3 и 4 принимала также участие, в рамках своей магистерской работы, Моника Бонк, докторантка проф. П. Червиньского.

тия, связанные с интимной сферой человеческих отношений, которая в условиях тюрьмы, *зоны*, криминогенной субкультуры в целом превращается в сферу публичную, становится манифестацией грубой силы, жестокого насилия, подавления и уничтожения речевого объекта (объекта сексуального).

Составление таких *тематических словарей уголовного жаргона* позволяет системно и целостно описать значимую для носителей субкультурной речи картину мира. И хотя такая картина представляется, в сопоставлении с современным языком в целом, довольно упрощенной и схематичной, тем не менее она организуется по внутренним своим законам, в основе своей в первую очередь иерархических. Описание и понимание этих законов дает нам затем возможность рассматривать жаргонную речь более глубоко — с точки зрения мотивированности лексических единиц и фразеологии, а также с точки зрения мотивации порождения того или иного высказывания, с точки зрения коммуникативных моделей, создаваемых сегодня в субкультурной среде. Для лингвистики эта область пока мало изучена.

Aurika Chervinsky, Margarita Nadel-Czerwińska

О концепции (проекcie) словарей лексики жаргонной как лексиконів нового типу

Streszczenie

Projekt *Nominacje świata rzeczy środowisk marginesu społecznego* wraz z późniejszym uszczegółowieniem — *Leksyka podstandardu w rosyjsko-polskim aspekcie konfrontatywnym* uwzględnia zestawienie słownikowych komputerowych baz danych słownika *Leksyka żargonowa*. Długoletnie prace pozwoliły na określenie podstawowych etapów analizy zebranego materiału leksykograficznego oraz wskazanie perspektyw dalszej pracy z opracowanymi zasobami słownikowymi. Opis znaczeń i możliwego użycia jednostek słownikowych znajdujących się w tych słownikach pozwoli dokładnie przedstawić i opisać językowy obraz świata środowiska marginesu społecznego, wyłonić jego charakterystyczne cechy, które odzwierciedlają typowy dla użytkowników żargonu sposób pojmowania świata.

Aurika Chervinsky, Margarita Nadel-Czerwińska

On the conception (project) of dictionaries of jargon lexis as lexemes of a new type

Summary

The project Nominations of the world of things of the marginal environments with a later specification — Substandard lexis in Russian-Polish confrontative aspect, takes into account a comparison of dictionary computer database of the dictionary of jargon lexis.

Long-lasting studies have allowed for distinguishing the basic stages of the analysis of the collected lexicographic material and pointing to the perspectives of further work with the already prepared lexical resources. A description of meanings and possible usage of lexical items to be found in these dictionaries will allow for a thorough presentation and description of a linguistic image of the world of the social margin environment, distinction of its characteristic features reflecting the way of understanding the world typical of the jargon users.